

Введение.

Если все люди были бы одинаковыми, как скучно было бы жить! Еще в школе на уроках биологии нас учили, что многообразие – это залог выживания. Однако, даже не осознавая этого, мы на подсознательном уровне тянемся ко всему новому и необычному. Именно уникальность предмета, явления, человека делают интересными их для нас. Это же касается и культуры. Утонченная, загадочная и чтящая традиции с одной стороны и высокотехнологичная и динамично развивающаяся современная Япония с другой стороны не может не вызывать любопытство как у востоковедов и экономистов так и у туристов-путешественников.

Долгое время поездка в Японию была моей мечтой, и вот, наконец, она осуществилась в декабре, став своеобразным подарком на Новый Год. Не могу сказать, что мои знания о стране, ее культуре и языке были сильны, но определенное представление у меня все же имелось: со школы я увлекаюсь японской историей и культурой, в университете учу японский язык и периодически читаю книги и журналы о Японии. Поэтому пребывание в стране восходящего солнца не стало для меня культурным шоком, а напротив, укрепило мое убеждение в том, что, не смотря на все различия, у японцев и русских много общего. И у этих двусторонних отношений определенно есть будущее.

Пожалуй, многие из нас знакомы с внешними атрибутами японской культуры, представленными в нашей стране: суши-бары, высококачественная техника, анимэ, оригами, косметика. Однако мало кто может сказать, какие они, японцы, на самом деле. Ответ, казалось бы, прост: «Японцы могут быть разными, т.к. все зависит от воспитания, образования, окружения и т.д.». Однако нельзя забывать, что отдельным странам присущи собственные национальные черты, формируемые историческими, географическими и климатическими особенностями. Таким образом, после своего недельного путешествия по Японии я выделила для себя два наиболее интересных

аспекта, описывающих эту страну и ее людей, – это религия и отношение ко времени.

Отношение ко времени.

Так как цель моей поездки была скорее деловой, чем туристической, а пребывание в Японии курировалось волонтерами-японцами, меня не покидало ощущение того, что мы все время куда-то спешим или опаздываем. И это самое ощущение преследовало меня с самого утра, когда меня и мою соседку по номеру за полтора часа до завтрака будил телефонный звонок. И все как в мультфильме «У меня зазвонил телефон. Кто говорит?». Только вот говорит вовсе не «Слон», а самый что ни на есть банальный «wake up call», которым предусмотрительные японцы будили своих европейских постояльцев. И все бы ничего, если бы завтраки не проходили у нас в отеле на втором этаже, куда спускаться на лифте от силы две минуты. Естественно наш номер продолжал спать, не смотря на звонок, потому что каждый час сна для уставшего человека с плотным графиком бесценен. Однако, как тревожен был этот сон, ведь в нашем подсознании зародилось сомнение, а не опаздываем ли мы?

Все это можно было бы списать на плотный график нашего расписания, если бы не тот факт, что мы появлялись на встречах и мероприятиях не то чтобы вовремя, а даже за 20 минут до начала. К примеру, на пятый день нашего пребывания в Токио мы были приглашены на встречу с японским министром здравоохранения. Приглашенные студенты ожидали министра около получаса. К сожалению, нам не объяснили, с чем было связано столь долгое ожидание. И нам ничего не оставалось делать, кроме как просто ждать. На тот момент это меня сильно удивило, потому что это шло вразрез тому представлению о японцах, которое я имела. А оно у меня было более чем поэтическое, основанное на романтических образах, навеянных от прочтения исторических статей эпохи Хейан, когда в почете был размеренный образ жизни и неторопливое любование сакурой.

Анализируя сейчас свой опыт, я прихожу к выводу, что иногда уже заранее созданный лингвокультурологический портрет не только не помогает, но даже препятствует пониманию другой культуры. Проблема в том, что отношение ко времени того или иного народа основывается на целом комплексе характеристик, которые достаточно подробно были описаны исследователем в области лингвистики Ричардом Льюисом. Ричард Льюис – всемирно известный автор множества книг по лингвистике свободно говорящий на 12 языка мира, в том числе и на японском. Его классификация культур на реактивные (руководствуются принципами гармонии и солидарности в обществе), моноактивные (концентрируются на одной задаче, последовательно выполняя одну за другой) и полиактивные (преследуют сразу несколько задач) послужила моей основой для анализа собственного опыта. Согласно классификации Льюиса Япония относится к реактивной культуре. Это позволяет создать общенациональный портрет, основными чертами которого будут интровертность, почтительность, пунктуальность, умение выслушать, ориентированность на групповые интересы. Россия же принадлежит к типу полиактивных культур, что характеризует россиян как общительных, эмоциональных и ориентированных на групповые интересы экстравертов, которые зачастую, смешивая свои личностные и профессиональные предпочтения, могут пренебречь некоторыми формами вежливости, в том числе и пунктуальностью.

Именно поэтому я, как представитель полиактивной культуры, столкнулась с некоторым непониманием своих японских коллег. Порой это непонимание очень огорчало. Я думала, почему к некоторым вещам, в том числе ко времени, не относиться проще. Живут и в других странах люди, и все везде успевают без подобной спешки. Конечно, заставлять важных и занятых людей неприлично, но и заставлять ждать, торопиться и нервничать других людей не менее не правильно.

Сейчас я понимаю, что японцы, организовывая нашу поездку, не хотели причинять неудобства никому. Они всего лишь руководствовались принципами понимания вежливости в своей стране. Данная особенность японского менталитета диктует определенное поведение в обществе, ограниченное рамками собственного социального статуса и социального статуса партнера. В японском языке существует даже несколько степеней вежливости, используемых при общении с разными собеседниками. А соблюдение такой нормы вежливости как пунктуальность понимается как само собой разумеющееся. Кроме того, последовательности проведения различных церемоний уделяется не меньше внимания, чем самим церемониям, что связано с восприятием красоты и уважения к партнеру.

Поэтому, учитывая, что в нашей группе было много иностранных студентов, можно сказать, что наши японские организаторы просто пытались соблюдать нормы вежливости, принимая во внимание вероятность возникновения непредвиденных обстоятельств. Что справедливо, потому что они находились у себя дома и делали так, как у них принято. Поэтому оценивать это с точки зрения своей собственной культуры не имеет смысла. Нельзя говорить, что это хорошо или плохо. Это так как это есть. И если мы хотим дружно жить, мы должны принимать друг друга такими, какие мы есть, уважать и ценить за нашу непохожесть.

Отношение к религии.

Для современного японского общества религия играет довольно важную роль. Хотя, как бы парадоксально это не звучало, большинство японцев, отвечая на вопрос о своей религиозной принадлежности, с уверенностью в голосе заявят Вам, что никакой религии они не придерживаются. Отчасти, это правда, ведь религиозность в понимании русского человека – это посещение какого-либо религиозного учреждения (храма, церкви, мечети и пр.), чтение молитв, соблюдение постов, особых ритуалов, которые строго

регламентированы. К тому же, для того, чтобы исповедовать ту или иную религию, человек должен пройти особый обряд посвящения.

Что касается традиционной японской религии – синто (神道 *синто*:, «путь богов»), то все здесь немного иначе. Во-первых, для того, чтобы исповедовать синтоизм, необходимо быть японцем. Т.е., другими словами, при рождении все японцы уже являются синтоистами. Кто-то может сказать, что это неправильно, т.к. японцам не оставляют выбора свободы вероисповедания, но это совсем не так. Ведь синтоизм для японцев – это не столько религия, сколько их образ жизни, основанный на культе предков и обожествлении природных явлений. Синто настолько органично влилось в уклад жизни Страны Восходящего Солнца, что многие японцы даже не задумываются о сакральном смысле некоторых своих поступков. К примеру, их трепетное отношение к природе и забота об экологии связаны с концепцией «ками», божественного начала, которое может присутствовать в любом камне, водопаде или животном. Поэтому загрязнять окружающую среду является не только нарушением закона, но и богохульством, способным навлечь на нерадивого нарушителя гнев богов, коих великое множество в синто. Учитывая нынешние тенденции в борьбе за экологию, такая концепция более чем актуальна и нам есть, чему поучиться у синтоистов.

Во-вторых, приверженность одной лишь религии синто для японцев не является принципиальной. Это значит, что японец по своему желанию может свободно исповедовать любую другую религию. Большинство японцев отдают свои предпочтения буддизму, однако популярностью пользуется и синтохристианство. Именно об интеграционном направлении взаимодействии религий рассказывал на своей лекции директор института по межкультурным исследованиям храма Мейдзи в Токио, господин Масахиро Сато. Благодаря активной работе института и настоятелей храма прикоснуться к религии синто и познать ее таинства доступно каждому из

нас. Через специальные программы в рамках помощи храму Мэйдзи волонтеры со всего мира могут испытать на себе жизнь синтоистского монаха, участвуя в ежедневных ритуалах вместе с настоятелями.

Помимо лекции господина Сато мне удалось побывать на ритуальной церемонии в самом храме Мейдзи. И здесь я сделала для себя несколько интересных наблюдений. Монахи-жрецы (каннуси) читали молитвы (норито) на особый деревянный жезл с бумажными лентами (торимоно). По окончании молитвы один из каннуси, взяв в руки торимоно, заряженный положительной энергией, начал размахивать им со сцены в зал, где сидели прихожане, распространяя таким образом свое благословение. Эти действия монаха напомнили мне об обряде освящения предметов, который существует в православной традиции. Далее мико, жрицы при храме, исполнили ритуальный танец кагура с цветами, благодаря тем самым богам. После совершения службы в храме всем прихожанам, участвовавшим в своего рода «причащении», были предложены рисовый пирожок и небольшая чашка сакэ. Точно такая же традиция есть в христианских храмах, когда после причащения предлагают просфору (кусочек белого хлеба) и морс (напиток из ягод).

Пожалуй, для меня посещение синтоистского храма Мэйдзи явилось гвоздем путешествия по Японии. Не только совершаемые в храме церемонии, которые несомненно являются произведением традиционного японского искусства, но и сам храм Мэйдзи вдохновили меня. Величественно стоящий в окружении леса, он создает атмосферу спокойствия и дает необъяснимую силу, способную зарядить путника положительной энергией. К тому же, находясь в подобном месте, обретаешь непередаваемое чувство внутреннего покоя и начинаешь лучше понимать суть синтоизма и самих японцев, для которых синто – не просто религия, а способ пребывания в гармонии с собой и с окружающим их миром.